

Андрей **ГАНИН**,
кандидат исторических наук

НЕЗАМЕНИМЫЙ КОРРУПЦИОНЕР

*Страницы биографии главного военного железнодорожника Советской России**

М. М. Аржанов. 1934 г.

История Гражданской войны богата самыми причудливыми явлениями. Поразительно, что ради пользы дела большевики были готовы мириться с наличием в руководстве Советской России явных коррупционеров и закрывать глаза на творимые ими злоупотребления, в особенности если эти люди были незаменимы на своих постах. Именно к таким деятелям относился главный военный железнодорожник Советской эпохи Гражданской войны Михаил Михайлович Аржанов (21.06.1873–03.10.1938).

Излишне говорить о том, какое значение в условиях манёвренной Гражданской войны приобрёл железнодорожный транспорт. От того, насколько хорошо он функционировал, зависел исход этой войны. Не случайно председатель Реввоенсовета Республики (РВСР) и вождь Красной армии Лев Давидович Троцкий в конце 1918 года требовал ввести на железных дорогах военную дисциплину¹. Объём воинских железнодорожных перевозок Советской России в период Гражданской войны был огромен и за 1918–1920 годы составил 33 454 оперативных и 6679 снабженческих поездов, 24,5 млн человек и 2,5 млн лошадей². Масштаб перевозок достигал 60 520 000 эшелонo-вёрст. Порядка 70 процентов формирований РККА перевозились с фронта на фронт. По подсчётам главкома С. С. Каменева, 52 процента дивизий воевали на двух фронтах, 14,3 процента — на трёх и по 2,6 процента — на четырёх и пяти³. Основная нагрузка при стратегической переброске войск ложилась на железнодорожный транспорт. Все эти перевозки осуществлялись в обстановке разрухи, нехватки паровозов и вдобавок к гражданским перевозкам.

В 1918 году возникли управления воен-

ных сообщений в составе Высшего Военного Совета (создано 5 марта, ныне отмечается как день службы военных сообщений) и Всероссийского главного штаба. В июле 1918 года эти управления были объединены, а в начале сентября 1918 года возникло Центральное управление военных сообщений (ЦУПВОСО), подчинённое РВСР. Начальник ЦУПВОСО пользовался правами командующего армией.

Руководить работой транспорта в обстановке хаоса и разрухи было крайне сложно. Такую работу мог вести только человек исключительных деловых качеств и профессиональных навыков. Первоначально эта работа была доверена бывшим офицерам-генштабистам М. М. Загю (6 сентября — 2 декабря 1918) и С. М. Волкову (3 декабря 1918 — 24 февраля 1919). Однако пребывание каждого из них на посту начальника ЦУПВОСО было непродолжительным. Думается, не случайно то, что большую часть Гражданской войны эта должность безраздельно принадлежала Аржанову. До сих пор об этом человеке мало что было известно, кроме лакированных биографических справок советского периода, между тем жизненный путь Аржанова и особенно его деятельность в Гражданскую войну явно заслуживают специального исследования⁴.

Аржанов родился в Санкт-Петербурге, в семье дворянина, студента-медика, а позднее — военного врача. Детство его прошло в Закавказье. Он окончил кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1892) и электротехнический офицерский класс (1893). В старой армии дослужился до штабс-капитана запаса. Участвовал в Русско-японской войне с апреля 1904 года до конца войны, был ранен, в 1907-м вышел в отставку, после чего работал на железных дорогах, в том числе в Туркестане и на Севере, стоял у истоков диспетчерского дела. Михаил Михайлович

владел французским и немецким языками (слабо), был женат и имел двоих сыновей⁵. Но только революция позволила его талантам раскрыться в полной мере.

В начале Гражданской войны Аржанов был начальником эксплуатационного управления Наркомата путей сообщения (НКПС). В период 1919–1924 годов Аржанов занимал целый ряд руководящих постов в системе военных сообщений. С 24 февраля 1919-го по 15 августа 1922 года Михаил Михайлович занимал важнейший пост начальника ЦУПВОСО при РВСР. Одновременно с апреля 1920-го по апрель 1921-го служил главным инспектором путей сообщения Советской России. С 1 марта 1921 года был заместителем начальника Полевого штаба РВСР. С 17 декабря 1921-го по 1923 год Аржанов также был главным начальником военных снабжений, а с октября 1923-го по апрель 1924-го — главным начальником военных сообщений РККА, затем стал помощником инспектора инженеров инженерной инспекции РККА.

Назначение на пост начальника ЦУПВОСО Аржанов получил по решению всеильного Троцкого, оказывавшего ему покровительство, причём назначение это Льву Давидовичу удалось провести с немалым трудом⁶. Предшественник Аржанова генштабист Волков был назначен в распоряжение Всероглавштаба⁷, поскольку, видимо, ничем себя не проявил.

Новый руководитель ЦУПВОСО обладал целым рядом важных качеств, позволявших ему в условиях разрухи всё же организовывать железнодорожные перевозки. Кроме того, он имел 25-летний опыт службы на железных дорогах⁸.

Своеобразную манеру поведения Аржанова иногда ставили в пример другим «передвижникам», как традиционно именовали специалистов по военным сообщениям. Например, в характеристике бывшего Генштаба генерал-майо-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 11-31-00350а2. «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.»

ра В. Г. Серебрякова прямо отмечалось: «Нет смелости и развязности в обращении с подчинёнными инстанциями советских учреждений, как у Аржанова»⁹. В характеристике бывшего Генштаба генерал-майора И. А. Бармина говорилось: «Властный. С большой волей и нажимом. В этом он отнюдь не слабее Аржанова, и едва ли не превзойдёт его»¹⁰.

В повседневной жизни Аржанов как выдвиженец Троцкого пытался подражать своему шефу. По примеру наркомвоенмора наш герой обзавёлся собственным поездом, в котором колесил по стране, решая важнейшие транспортные вопросы. Поезд Аржанова был оборудован с размахом. Там имелись вагон-гараж с автомобилем и охрана от бандитских нападений¹¹. Аржанов побывал на Кавказском, Восточном, Западном, Южном и Северном фронтах. Главного советского военного железнодорожника отличала высочайшая работоспособность. Некоторые командировки Аржанову давались с правом использования свободного времени для отдыха. Благодаря этому, например, при проезде в Сочи он имел возможность отдыхать на море.

Впрочем, мнения в отношении нашего героя разделились. Одни считали его виновником хаотического состояния системы военных сообщений Советской России¹², человеком, игнорировавшим распоряжения НКПС, работавшим сумбурно и бессистемно, по мнению других, Аржанов, наоборот, был незаменим и добивался невозможного — полноценной работы железных дорог в условиях хаоса.

Полностью соответствует делопроизводственным документам характеристика Аржанова, приведённая одним из видных советских военных специалистов, бывшим Генштаба генерал-майором М. Д. Бонч-Бруевичем в своих воспоминаниях и относившаяся к событиям лета 1919 года, когда Бонч-Бруевич некоторое время был начальником Полевого штаба РВСР: «Не лучше, нежели с разведкой, обстояло и с управлением военных сообщений. Сведения о военных сообщениях, необходимые для расчётов по перевозке войск с колчаковского на деникинский и польский фронты, я рассчитывал получить от начальника военных сообщений Аржанова, еженедельно по средам приезжавшего в Полевую штаб с докладом.

Аржанов был человеком особого склада. Офицер инженерных войск, кажется, в чине штабс-капитана, он, выйдя в отставку ещё до мировой войны, поступил на железную дорогу. Там он, насколько мне известно, сделался исправным служакой, но больших дел не делал. К революции он быстро приспособился: истово произносил слово «товарищ», всё еще труд-

ное для большинства бывших офицеров, опростился в манерах, громогласно ругал прежние порядки и изображал из себя большевика для тех, кто не замечал явного маскарада...

Приезды свои в Полевую штаб Аржанов обставлял большой помпой. Приехав в Серпухов в салон-вагоне, он отправлялся в штаб в сопровождении целой свиты, — многочисленные порученцы несли его роскошный портфель, папки с картами и свёрнутые в трубку схемы и чертежи. Торжественно, как бы священнодействуя, вся эта компания входила в мой кабинет. Аржанов начинал занимать меня частными разговорами, а порученцы тем временем развешивали по стенам принесённые с собой чертежи и схемы. Закончив развеску, они молча поворачивались на каблучках и исчезали, Аржанов же брал в руки тонкую чёрную указку и становился в позу слушателя дополнительного курса Академии, — видимо, он считал, что для меня, бывшего её преподавателя, такая обстановка больше чем приятна...

Проделав всю эту церемонию, Аржанов по моему настоянию отставлял свою указку в сторону и подходил к моему столу. Обычно все его графические приложения оказывались совершенно излишними, да и сам он в своём многословном докладе прилагал лишь к незначительной части развешенных карт и схем.

Военных знаний у него было маловато, доклады он делал слабенькие и путаные, в мощностные военные сообщения по отношению к переброске войск не углублялся и на занимавшие меня вопросы был не в состоянии ответить и лишь обещал сделать это к следующему докладу.

Отдельные поручения, впрочем, Аржанов выполнял старательно и вовремя. Но полагая, что с крупными перевозками он не справится, я подыскивал вместо него другого кандидата...

Делать это заставляло меня и неприглядное его поведение. Как только наши войска вытесняли белых из какого-либо города, блестящий салон-вагон Аржанова тотчас же оказывался на освобождённой станции, а сам он принимался за сбор «трофеев», чаще давно исчезнувшего у нас сливочного масла, сала и мяса.

Возвратившись в центр, Аржанов щедро оделял привезёнными продуктами всякого рода начальство; он знал, с кем делиться, и после первой же неудачной попытки не делал мне никаких приношений. Но слава о «продовольственной» деятельности Аржанова широко шла по учреждениям Реввоенсовета Республики.

Раздражала меня в Аржанове и его манера «разносить» на железнодорожных станциях и притом обязательно публично

своих подчинённых, обычно из бывших офицеров. Делалось это в расчёте на безмолвие и покорность «разносимого» офицера и эффекта ради: вот, мол, какой Аржанов, не даёт спуска буржуям и всяким золотопогонникам...

Шум и крики при таких разносах перекрывали даже гул паровозных свистков. Но по мере того, как на службу в управление военных сообщений выдвигались пролетарские элементы, отнюдь не намеренные выслушивать этот барский разнос, Аржанов начал несколько успокаиваться... Об ограниченности его и вздорности свидетельствует мелкий, но характерный факт, сохранившийся в моей памяти. В годы Гражданской войны в нашей армии не было ни нынешних военных званий, ни орденов, если не считать ордена Красного Знамени, являвшегося высшей воинской наградой и выдаваемого крайне редко и за особые заслуги.

Необходимость поощрения отличной работы военнослужащих ввела в практику как Реввоенсовета Республики, так и Реввоенсоветов фронтов и армий награждение ценными подарками, чаще оружием и именными часами. Реввоенсовет Республики, кроме того, награждал и ценными подарками другого порядка, взятыми из фондов национализированных дворцов.

Так, Раттэль¹³ как-то получил осыпанную камнями золотую табакерку Екатерины II со специально выгравированной надписью на внутренней стороне крышки. Бог весть почему Аржанова наградили палкой Петра I. Гигантский рост исконного владельца редкой трости не устраивал начальника военных сообщений, и он, не задумываясь, безжалостно укоротил её.

Как и можно было ожидать, для доклада, к которому я так тщательно готовился, Аржанов не смог мне ничего дать»¹⁴.

Редактор воспоминаний Бонч-Бруевича снабдил эту развёрнутую характеристику специальным примечанием о том, что она носит субъективный характер и не соответствует оценке деятельности Аржанова в РВСР. Но, несмотря на крайнюю субъективность мемуаров Бонч-Бруевича вообще, в данном случае составленный им портрет достоверен, а усилия редактора выглядят попыткой выдать желаемое за действительное.

Деятельность Аржанова воспринималась далеко не однозначно, хотя в критических оценках свою роль играл и личный фактор недовольства его подчинённых и сотрудников. Ещё в Гражданскую войну было известно об изворотливости руководителя ЦУПВОСО, который не боялся обманывать даже своего патрона Троцкого в докладах, был лживым и мстительным человеком. Об этом военком ЦУПВОСО

В. В. Фомин писал в своём рапорте от 14 августа 1919 года в ЦК партии, а также Э. М. Склянскому, А. Г. Белобородову и С. И. Гусеву¹⁵. Автор документа отмечал неспособность Аржанова наладить дело в связи с тем, что органы военных сообщений находились в хаотическом состоянии¹⁶. По свидетельству Фомина, Аржанов был паникёром и распространителем слухов. Так, он рассказывал об убийстве по пути на Украину видного большевика Н. И. Подвойского, что не соответствовало действительности. Фомин отмечал, что Аржанов «по слабости ли своей или со злым умыслом... постоянно подхватывает все наши неудачи и старается их широко распространить»¹⁷. Комиссар требовал немедленного удаления Аржанова с его поста.

В своём более раннем докладе ЦК РКП(б) от 6 июня 1919 года Фомин отмечал, что «личность Начальника Центрального Управления Военных Сообщений М. М. Аржанова характеризуется следующими основными чертами.

Честолюбив. Крайне привержен к материальным благам и жизненным удобствам. Эти две причины — [как] никакие другие — являются стимулами его деятельно-

сти. Только этим — ничем другим — обусловливается его относительная ценность.

Ради того, чтоб удержаться при той сумме материальных благ, которая сопутствует должности Н[ачальни]ка Центр[ального] Упр[авления] Военных Сообщений он направляет усилия, стремится показать свою ценность, отнюдь не ради самого дела.

Крайне неразборчив в средствах укрепления собственного благополучия. Правил какой бы то ни было морали не знает. Разве готтентотской. И это отнюдь не преувеличение и не красное словцо. Наоборот — это существеннейший элемент его нравственного облика, поскольку вообще уместно касаться в данном докладе вопросов нравственности.

Вещи и преимущества, присвоенные должности (автомобиль, кабинет, мебель и пр.) он рассматривает как приданные ему лично.

Полное пренебрежение к правам — юридическим, естественным — одинаково — своих подчинённых; даже помощников. Мстителен. За прямоту указания на ошибки подчинённых преследует с настойчивостью, доступной лучшей участи (Нач[альник] 1 отд[ела]

Ген[ерального] шт[аба] Сав[ч]енко, Ген[ерального] шт[аба] Никулин, Ген[ерального] шт[аба] Афанасьев и масса мелких сошек упечены им на низшие должности, сосланы на фронт и уволены [без] всякой зависимости от полезности и способности к работе[)].

Лжив. В вопросах служебных и личных одинаково лжёт всем по поводу и без повода. Часто наивно, нелепо. Иногда опасно и вредно. В докладах т. т. Троцкому и Склянскому.

Начальнику Полевого Штаба, [в] докладах неизменно в моём или моего заместителя присутствии искажает истинное положение дел в сторону затушёвывания недостатков аппарата, невыполненных обещаний и, следовательно, в результате возможности неверных боевых расчётов.

Стремится, что, впрочем, естественно характеризует не его одного — попадать на доклады без комиссара-свидетеля и путём беззастенчивого вранья «укреплять» собственное положение. Не [с]только умен, как практичен. И то односторонне, в целях использования своего служебного положения для личных, семейных и пр[очих] удобств.

Вождь Красной армии Л. Д. Троцкий принимает парад. Кадр из кинохроники. РГАКФД. Публикуется впервые.

Имеет значительный по долголетию (25) опыт в железнодорожном деле. Стаж — от мелкого агента до Управляющего Эксплуатационным Управлением железных дорог уже после Октябрьской революции. Высшего Военного образования не имеет, военный отчёт (скорее, опыт. — А. Г.) также незначителен, что для Начальника Ц.У.В.С.¹⁸ является минусом и серьёзно тормозит работу в иных её частях... Это не мешает ему при всяком удобном и неудобном случае щеголять фразами самовосхваления, неизменно начинающимися со слов: «Я четверть века» и т. д. и именовать себя «создателем диспетчерского дела в России». На этот последний титул он, кажется, имеет некоторое действительное право.

Легкомыслен и болтлив. Вся его деятельность — даже положительная, полезная — неизменно носит на себе отпечаток фразы, эффекта, показанного.

Серьёзности, глубины, размаха мысли и творчества — нет и не обещает быть.

Как администратор не поддаётся короткой, резкой оценке. Имеет достоинства. Есть нажим. Уменьше отдавать приказания так, чтоб они исполнялись. Часто это уменьше граничит с неизречной наглостью.

Дисциплину среди подчинённых поддерживает без труда. Методами сильно, но ненадолго действующими. Разносами, угрозами, взысканиями, арестами.

Сам исполнитель, но без инициативы, за исключением вопросов хозяйственных.

Крайним и резким его недостатком является неумение конструировать местные органы Военных Сообщений, руководить, совершенствовать аппарат в зависимости от накапливающегося...»¹⁹

По оценке Фомина, ЦУПВОСО было лишь относительно совершенным учреждением. «Относительно, потому что и здесь есть крупные изъяны. Подбор работников удачный. Много ценных знатоков дела. Но система работы отделов и отделений не объединяется в лице начальника Управления. Он не дирижирует работой, не руководит ей. Лишь шумит, часто по-репетиторски. От этого слаженности, дружности, если позволительно так выразиться, ансамбля, нет.

Разносы, угрозы, полное пренебрежение к достоинству подчинённых действуют сильно, но ненадолго. Создаётся привычка не служить, а прислуживаться»²⁰.

Выдвигались и другие обвинения, чуть ли не в шпионаже. Например, пока начальник Полевого штаба Ф. В. Костяев разговаривал по телефону со Склянским, Аржанов изучал в его кабинете секретную карту с указанием номеров дивизий на фронте, чрезвычайно интересовался оперативными вопросами и военными секретами.

Подозрительными казались перемены Аржановым направления переброски бригад, задержки передвижения эшелонов²¹. 30 августа 1919 года вопрос об Аржанове обсуждался на заседании Политбюро ЦК РКП(б)²², однако на карьере нашего героя это не отразилось.

В январе 1920-го о творимых Аржановым хозяйственных злоупотреблениях был подготовлен специальный рапорт военного комиссара ЦУПВОСО на имя заместителя председателя РВСР Склянского и председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского²³. В документе подробно расписывались различные мошеннические махинации. Так, из Казанской губернии для обоза ЦУПВОСО был привезён овёс, а тайно, помимо овса, ещё жиры и мука, которые были спрятаны и распределялись между избранными. Виновные в афере были арестованы. Косвенно с ней был связан и сам Аржанов.

Театру Е. В. Потопчиной при содействии Аржанова было отпущено пять вагонов дров, за что главный военный железнодорожник имел там постоянную бесплатную ложу, участникам махинации были выданы билеты на хорошие места. Было ещё несколько выдач крайне дефицитных в Москве дров неустановленным лицам. Кроме того, Аржанов пытался заполучить для своей жены шёлк, на который менял государственные дрова. К расследованию была привлечена МЧК. Неудобным ему подчинённым Аржанов угрожал увольнением или отправкой на фронт. В рапорте даже говорилось, что Аржанов — это «в своём роде, граф Калиостро наших дней в миниатюре»²⁴.

Несмотря на полное противоречие с содержанием этого и других докладов об Аржанове, военком ЦУПВОСО предлагал использовать его деловые качества, так как «порую Аржанов развивает сокрушительную энергию. Так было в случае с перевозками и ещё [во] многих других случаях. Своей дикой энергией Аржанов способен разбудить мёртвого, КАЧЕСТВО, ОСОБЕННО ЦЕННОЕ В НАШИХ УСЛОВИЯХ (здесь и далее — выделено в тексте. — А. Г.).

НИКТО ИЗ НАС ИЗ ВСЕХ ЕГО СОТРУДНИКОВ НИЧЕГО ПОДОБНОГО ДАТЬ НЕ МОЖЕТ, В ЭТОМ СМЫСЛЕ ОН ПРЯМО НЕЗАМЕНИМ.

ЕГО ИНИЦИАТИВА, ПОСТОЯННАЯ ДЕЙСТВЕННОСТЬ, РАБОТОСПОСОБНОСТЬ ИЗУМИТЕЛЬНЫ»²⁵.

Докладчик резюмировал следующим образом: «Ничего нового не произошло. В своё время я докладывал, и всем было известно, что Аржанов — мошенник и крайне непорядочный человек. Однако ж считали возможным держать его на службе, несмотря на отрицательную моральную репутацию... Если признать, что у многих

из современных деятелей не только белых, но и красных рыльце в продовольственном и всяком ином пушку, то было бы даже несправедливостью делать одного Аржанова козлом отпущения за грехи многих... контраст Аржанова с[о] многими другими не будет так[им] разительным, как при шаблонном, алармистском подходе к делу»²⁶.

Поток доносов и жалоб на Аржанова Троцкому казался нескончаемым. Один из критиков писал Троцкому 24 мая 1920 года, что тот, пытаясь наладить транспорт, одной рукой разрушал то, что только что создал другой. Разумеется, виноват был не сам Лев Давидович, а те, кто намеренно вводили его в заблуждение. Имелся в виду Аржанов. «Взгляните на результат его годичной деятельности в Цупвосо и, если вы поговорите с людьми, знающими дело Военных Сообщений, то все в один голос Вам скажут, что, кроме разрухи и развала, им (Аржановым. — А. Г.) не сделано ничего. Если были проведены какие-либо проекты или реформы, то исключительно его заместителями во время его отсутствия из Москвы. Ни к какой творческой или планомерной работе он не способен по отсутствию необходимых знаний, подготовки и опыта: чтобы управлять оркестром недостаточно уметь махать нагайкой и ругаться матерными словами. Дело военных сообщений в Республике знают только два лица: М. М. Загу и И. О. Раттэль²⁷. Только они имеют надлежащую теоретическую подготовку, надлежащий стаж и громадный опыт, и сверх того обладают громадной работоспособностью, чрезвычайной добросовестностью и надлежащей выдержкой и умением обращаться с людьми по-человечески и заставить их работать, не нервирова»²⁸.

Автор документа испытывал, видимо, острую личную неприязнь к Аржанову, так как далее сообщал, что тот «обладает способностью всюду пролезть без мыла... Побеседуйте с лицами, которые сопровождали Аржанова в его поездке на юг, как инспектора, и Вы будете поражены тем хамством, которое он проявил, и к тому прозвищу, которое за ним прочно укоренилось, вор и мошенник, теперь присоединилось и новое — хулиган. Служить с ним решительно никто не желает, и все, кому он предлагает места инспекторов, отказываются. Теперь он громко кричит: «Насрать мне на Цупвосо, я буду помощником Борисова²⁹, а Цупвосо уничтожу». И действительно, он старается всеми силами затруднить работу Цупвосо, увозя с собой в командировки наиболее нужных и ответственных работников... выше написанное меня побудило сообщить Вам единственно моё чувство глубокого расположения: я лично занимаю очень хороший пост, ни

в Цупвосо, ни [в] КПС³⁰ не служу, а потому никаких личных целей не преследую. Со стороны мне виднее то, что скрыто от Вас. Ваш образ действий как в отношении офицеров в Военном Комиссариате, так и инженеров в КПС привлекает к Вам невольной симпатии всех благомыслящих людей, но не вливайте же в бочку мёда ложку (а вернее целое ведро) дёгтя в виде Аржанова»³¹. Анонимный автор документа критиковал также помощника Аржанова, бывшего Генштаба генерал-майора Н. Г. Мыслицкого, который тоже якобы ничего не понимал в деле военных сообщений.

Председателю СНК В. И. Ленину также нередко приходили резкие отзывы об Аржанове. Например, старый большевик Я. Э. Рудзутак весной 1920 года назвал главного военного железнодорожника Советской России самодуром³². Тем не менее сам Аржанов неоднократно делал доклады Ленину по ключевым вопросам организации военных перевозок³³ и даже пользовался близкой советскому лидеру фразеологией: «Считаю своим долгом гражданина, человека, работающего для Советской власти со дня Октябрьской революции, заявить, что невозможно далее медлить с решением этих вопросов. Каждая неделя, каждый день ухудшают состояние транспорта и, может быть, через месяц будет уже невозможно сделать то, что возможно сделать сейчас. Здесь промедление, более чем когда-либо, подобно смерти»³⁴. Подобные доклады должны были импонировать большевистскому вождю. Аржанов был постоянным участником заседаний Реввоенсовета Республики, многократно делал доклады на заседаниях совета, активно участвовал в работе различных комиссий³⁵.

После разгрома белых на Севере России Аржанов посетил Архангельск. В связи с этой его поездкой помощник военного комиссара ЦУПВОСО в апреле 1920 года направил весьма секретный доклад секретарю ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинскому. В докладе об Аржанове говорилось с нескрываемым возмущением: «Его крики, стуки палкой, истерика, которую он проявлял, ссылки и заявление, что он делегат Особоуполномоченный Сов[ета] обороны. Вереница идущих за ним его порученцев с папкой мандата Сов[ета] обороны и его портфелями, вереница вытянувшихся в струнку, иногда козыряющих Аржанову железнодорожников и за всем этим гледеющая толпа пассажиров и красноармейцев создавала отталкивающее впечатление и вызывала целый ряд протестов окружающих»³⁶. Поездку Аржанова сопровождали самоуправство, аресты и налёты. И, как обычно, имущественные злоупотребления. Так, со складов Аржанов взял себе

шесть мешков обмундирования, 37 рубах, 37 кальсон и 25 дюжин носовых платков³⁷.

Как истинный временщик Аржанов заискивал перед начальством, особенно перед людьми Троцкого, и грубо обращался с подчинёнными. Докладчик жаловался: «Вы хорошо знаете и то, что и тем и другим он врёт, и что и чрез одних и других он шагает к власти вместе со своими соратниками, сознательно или без, но создавая власть военной иерархии в рядах Советской Республики (подчёркнуто в документе. — А. Г.).

Поставить его в должные рамки можно и нужно, ибо если его практическая работа даёт плюс, то его поведение во время поездки при сношении с людьми ниже его стоящими, приспособление всего хозяйственного аппарата к своим целям и задачам, к целям, нуждам и задачам своих ранговых соратников, его поведение с рабочими, крестьянами и красноармейцами, его отношение к комиссарам из периферии, есть прямой минус и притом большой. Привести его положительную работу в соответствие с его выступлениями нужно: это сделать сильный окрик и СЕРЬЁЗНОЕ ВНУШЕНИЕ тов. Троцким, которого он чит до раболепия и считает своим «покровителем» или тов. Дзержинским, которого он «внутренне любит», но «боится», как чёрт ладана»³⁸.

Неудивительно, что при подобных негативных отзывах на Аржанова пытались выйти деятели антибольшевистского подполья из военной организации «Национального центра». Впрочем, попытки эти успехом не увенчались³⁹, хотя в ЦУПВОСО у организации были свои люди. Будучи офицером старой армии, Аржанов проводил такую политику, что вызывал настоящую ненависть своих прежних товарищей, поступивших в Красную армию в качестве военных специалистов⁴⁰.

О характере обращения Аржанова с подчинёнными свидетельствуют многие документы. К примеру, и. д. военного комиссара 1-го отдела ЦУПВОСО Э. Экке сообщал военному управлению А. М. Арнольдову в апреле 1919 года: «При сём препровождаю дознание состоящего для поручений при Начвосоокр.⁴¹ Н. Ливенцова с просьбой передать дело в Особый Отдел ВЧК, так как напуганный Аржановым Ливенцов боится давать более подробные сведения относительно выражений Аржанова. По словам Ливенцова при разговоре присутствовала стенографистка Начальника Управления»⁴². Испытав на себе все прелести советских порядков, генштабист Н. Д. Ливенцов в 1919 году бежал к белым на Юг. Возможно, свою роль в этом сыграла и действия Аржанова.

Аржанов буквально терроризировал сотрудников, причём по мнению военкома

ЦУПВОСО, изложенному им 2 апреля 1919 года секретарю Спянского И. Ф. Медянцеву, «можно определённо усмотреть отношение Аржанова к сотрудникам, которые им все терроризированы. При этом я должен добавить, что работа с Аржановым становится невозможной»⁴³.

Необычайно резкий даже для Гражданской войны стиль административной работы Аржанова наглядно прослеживается по его разговору со штабом 11-й армии 8 мая 1919 года: «Я Начальник Военных сообщений Республики Аржанов. Позовите к аппарату Начвосо 11 армии и передайте ему следующее: 8 мая 20 часов 2 минуты. Москва. Приказываю объяснить, почему Вы дали Начальнику Полевого Штаба депешу об аннулировании важных перевозок тридцать третьей дивизии, не адресовав её копии мне. Кто Вам дал право аннулировать, то есть отменять перевозки? Отчего я не получаю от Вас никаких докладов о ходе перевозок, тогда как Вы обязаны это делать сами без напоминаний. Доложите немедленно, какая бригада по номеру пошла водой и какая сухим путём. Сколько пошло по воде — одна или две, если пошла одна по воде и одна по железной дороге, то согласно депеши Главкома сего числа № 2150/оп [в] распоряжение Командюж⁴⁴ должно быть направлено две бригады. Предлагаю ежедневно к полуночи докладывать мне о количестве отправленных эшелонов за сутки как по жел[езной] дороге, так и водой. Ответственность за доклад возлагаю персонально на Вас. Независимо всего телеграфируйте мне ваш служебный стаж до занятия должности За⁴⁵ 11. Первый доклад ожидаю сегодня. Зр⁴⁶ Аржанов»⁴⁷. Разумеется, строгие приказы Аржанова спокойнее было выполнять, чем испытывать на себе его гнев. В этом, вероятно, заключался секрет успеха его работы в, казалось бы, безнадежной для железнодорожного транспорта обстановке.

Стараниями Аржанова скорость переброски эшелонов на Петроградский фронт против войск Н. Н. Юденича была доведена до 1000 километров в сутки, причём в разгар боёв, 31 октября 1919 года, Аржанов получил благодарность РВСР⁴⁸. Аржанов отвечал и за переброску войск для отражения наступления армий А. И. Деникина на Юге. Особую сложность для военных железнодорожников представляло восстановление путей сообщения при наступлении в конце 1919 — начале 1920 года. Железные дороги Черноземья особенно сильно пострадали в результате боевых действий, и без их ремонта невозможно было рассчитывать на успех операций. Огромный вклад в восстановление Юго-Восточных железных дорог внёс Аржанов, занимавшийся этим вопросом по поручению

чению Совета обороны в феврале–марте 1920-го⁴⁹. И сам Николай Дмитриевич, и его сотрудники проявили при этом чудеса изобретательности.

Во время наступления Красной армии на Варшаву в период Советско-польской войны необходимо было быстро перешивать колею с западноевропейской на союзную. Под контролем Аржанова скорость перешивки была доведена до 20 километров в сутки. Самому Михаилу Михайловичу однажды даже пришлось с боем прорываться из окружения противника. Позднее, в ноябре 1920 года, Аржанов лично отвечал за возвращение сокровищ Эрмитажа из Москвы в Петроград, за что 7 февраля 1922-го был избран почётным членом совета этого музея⁵⁰.

Итоги работы военных железнодорожников в 1918–1920 годах оказались вполне удовлетворительными. Если в 1918 году было перевезено 6637 эшелонов (5487 эшелонов с людьми и 1150 с грузами), а масштабы перевозок составили 10 405 000 эшелоно-вёрст, то в 1919-м перевезено уже 12 405 эшелонов (10 299 людских и 2106 товарных), масштаб перевозок достиг 18 607 500 эшелоно-вёрст. Наконец,

в 1920 году был перевезён 21 091 эшелон (17 668 людских и 3423 товарных), масштаб перевозок составил 31 507 500 эшелоно-вёрст⁵¹. При этом к 1 января 1919-го было неисправно 47 процентов паровозов и 16,6 процента вагонов, а к 1 апреля 1920-го — 60 процентов паровозов и 49,1 процента вагонов⁵². Помимо этого существенными были разрушения на самих железных дорогах, в особенности в районах, многократно переходивших из рук в руки (прежде всего на Юге России, на Украине и Урале), в том числе наиболее трудные для восстановления разрушения крупных мостов⁵³. Однако масштабы осуществлённых перевозок, несмотря на разруху, сопоставимы с военными перевозками Германии в период Первой мировой войны. В этом немалая заслуга тех людей, кто стоял во главе военных перевозок Советской России, прежде всего Аржанова.

Неоспоримые заслуги Аржанова получили самое высокое признание уже в го-

М. М. Аржанов (на увеличенном фрагменте) в группе участников съезда начальников военных сообщений при Реввоенсовете Республики. 1922 г. РГАКФД.
Публикуется впервые.

ды Гражданской войны. Приказом РВСР по личному составу № 503 от 18 октября 1920 года он был награждён орденом Красного Знамени за решение транспортных проблем на Западном фронте, включая перешивку пути. В наградном приказе отмечалось: «Объявляется о награждении Председателем Реввоенсовета Республики тов. Троцким 13 сент. с.г. орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ Главного Инспектора Путей Сообщения Республики и Начальника Центрального Управления Военных Сообщений при Реввоенсовете Республики, тов. **Аржанова** Михаила Михайловича — за нижеследующие отличия: железные дороги Западного фронта, выбросив за наступающими армиями большое количество подвижного состава, дабы обеспечить войска всем необходимым, оказались в критическом положении, когда с началом отхода армий пришлось приступить к спешной эвакуации. Забитость узловых станций, ограниченная их пропускная способность в связи с необходимостью одновременно с вывозкой разного рода имущества менять коммуникацию для армий фронта — создала тяжёлую обстановку для работы желез-

нодорозных органов. Тов. **Аржанов**, командированный на Зап[адный] фронт по распоряжению Р.В.С.Р. для упорядочения вопроса железнодорожного транспорта, со свойственной ему энергией приступил к работе. Не говоря уже о техническом знании дела, проявленном тов. Аржановым в своей работе, необходимо отметить обнаруженное им редкое чувство действительности как в выборе мер для урегулирования запутанного положения, так и в последовательности их применения. Приняв на себя непосредственное руководство всеми работами, он сумел вызвать у своих исполнителей тот порывистый темп их деятельности, который требовался исключительной обстановкой на фронте, и в короткий срок добился резкого перелома в положении железнодорожного транспорта. В числе мер, осуществлённых тов. Аржановым с истинным революционным порывом, следует указать перешивку в четырёхдневный срок пути на участке Барановичи — Минск, постройку второго моста у Борисова в 4 суток и быстрое окончание работ по постройке железнодорожного моста у Речицы и у Бобруйска»⁵⁴.

Став советским орденоносцем и удостоившись официального признания своих заслуг, Аржанов не изменил прежним привычкам. Так, 12 августа 1921 года при ревизии поезда начальника военных сообщений республики Аржанова, следовавшего из Баку, на станции Миллерово были обнаружены в больших количествах продукты питания и другие запасы (64 пуда соли крупы⁵⁵, 8 пудов риса, 8 пудов и 20 фунтов орехов, 15 фунтов турецкого табака, 178 бутылок и четыре четверти

различного рода вина, 8 пудов кишмиша в 9 ящиках, 1 пуд 30 фунтов шепталы, 25 фунтов чая. Тара: 23 мешка, корзина, 2 сундучка деревянных)⁵⁶. Удивляться тому, что из благополучного Баку в голодную Советскую Россию работники ЦУПВОСО везли продукты, не приходится. Аржанов оправдывался тем, что в поезде не всё принадлежало ему, у него самого якобы изъяли только 12 бутылок, подаренных СНК Азербайджана. Ситуацию спас рапорт Аржанова И. В. Сталину, с которым он ехал в одном поезде, по поводу произвола заградотряда, изъявшего продукты. В рапорте он указал, что вино якобы было изъято у многих сотрудников, соль — у проводников, акт был составлен неверно, часть изъятого, по мнению Аржанова, была приписана заградотряду. Михаил Михайлович не забыл упомянуть о том, что такие действия роняют авторитет власти, так как при обыске собралось множество зевак, а он — заслуженный человек и орденоносец, имеющий многократные благодарности в приказах РВСР, денежные награды и награждённый золотыми часами⁵⁷. В итоге Аржанов был прощён.

После окончания Гражданской войны Аржанов продолжал руководить военными сообщениями РККА. 27 сентября 1922 года он вновь удостоился благодарности РВСР за свою деятельность. Однако, когда в 1924 году ставленников Троцкого начали отстранять с руководящих постов в военном ведомстве, Аржанов лишился должности главного начальника военных сообщений РККА и продолжил служить в Наркомате путей сообщения. Его злоупотребления не были секретом для органов

госбезопасности⁵⁸, но высокое покровительство и заслуги до некоторых пор спасали от неприятностей. 13 января 1930 года он стал Героем Труда, а в 1934 году, в связи с 40-летием службы на железнодорожном транспорте, вторым в СССР был удостоен звания «Почётный железнодорожник». Всю жизнь Аржанов оставался беспартийным. Проживал он в центре Москвы, в Гранатном переулке.

Главный советский военный железнодорожник Гражданской войны разделил судьбы многих высших советских государственных деятелей революционного призыва. К концу 1937 года он был членом научно-технического совета НКПС СССР. 17 декабря 1937 года Аржанова арестовали. А 3 октября 1938 года военной коллегией Верховного суда СССР он был приговорён к расстрелу по обвинению в участии в контрреволюционной шпионско-террористической организации и в тот же день расстрелян. Похоронен Аржанов в Коммунарке Московской области. Реабилитирован в мае 1956 года⁵⁹.

Эпопея Аржанова не может не поднимать вечный вопрос о том, где пролегает тонкая грань между допустимыми для пользы дела благами в жизни государственных деятелей и роскошью, злоупотреблениями, произволом. Аржанов эту грань переступил, однако большевистские вожди были готовы закрывать глаза на подобное поведение ради обеспечения бесперебойного функционирования системы военных сообщений.

*Выражаю благодарность
Д. В. Федорину за помощь в подборе
иллюстративного материала в РГАКФД.*

Примечания

1. The Trotsky papers 1917–1922. Vol. 1. 1917–1919. London; Hague; Paris. 1964. P. 182.
2. В интересах Вооружённых сил. Служба военных сообщений/Под ред. генерал-лейтенанта Ю. К. Воронцова. М. 1989. С. 72–73.
3. Каменев С. С. Записки о гражданском войне и военном строительстве. Избранные статьи. М. 1963. С. 77.
4. Не упоминается о нём даже в специальных работах. Напр.: Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М. 2009.
5. РГВА. Коллекция учётно-службных карточек состава РККА.
6. Подробнее см.: The Trotsky papers 1917–1922. Vol. 1. P. 268.
7. РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 102.
8. Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 382.
9. Там же. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 20 об.
10. Там же.
11. Там же. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 41. Л. 245.
12. Там же. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 12.
13. Вероятно, имеется в виду начальник Всероссийского главного штаба Николай Иосифович Раттэль.
14. Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М. 1957. С. 348–350.
15. РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 21.
16. Там же. Л. 12. Частично документ опубликован в: Войтиков С. С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М. 2009. С. 147–162.

17. РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 10.
18. Ц.У.В.С. — Центральное управление военных сообщений.
19. РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 14 об.—15 об.
20. Там же. Л. 15 об.
21. Там же. Л. 17–18.
22. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. Март–ноябрь 1919. М. 1976. С. 480.
23. РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 379.
24. Там же. Л. 380.
25. Там же. Л. 380 об.—381.
26. Там же. Л. 381–381 об.
27. Имеется в виду бывший Генштаба полковник Иван Иосифович (Осипович) Раттэль.
28. Архив Гуверовского института (Hoover Institution archives, Stanford university). Volkogonov collection. Reel 11.
29. Борисов Иван Николаевич (1858–1928) — инженер путей сообщения, начальник Главного управления путей сообщения НКПС (с 1920).
30. Комиссариат путей сообщения.
31. Архив Гуверовского института (Hoover Institution archives, Stanford university). Volkogonov collection. Reel 11.
32. В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М. 1999. С. 344.
33. В интересах Вооружённых сил. С. 47.
34. Там же.
35. Подробнее см.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919. Сб. док. М., 1997; 1920–1923. Сб. док. М. 2000.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 22. Л. 37 об.

37. Там же.
38. Там же. Л. 38–38 об.
39. Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 403, 433–434, 459.
40. Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. М. 2007. С. 108.
41. Начальник военных сообщений округа.
42. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 72. Л. 124.
43. Там же. Л. 126.
44. Командующий Южным фронтом.
45. Обозначение должности начальника военных сообщений (заведующего перевозками) армии.
46. Обозначение должности начальника военных сообщений (заведующего перевозками) республики.
47. РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 384. Л. 69–73.
48. Лаппо Д. Д. Их вдохновлял Ленин. М. 1990. С. 180.
49. Подробнее см.: Там же. С. 169–184; Кирсанов Ю. Уполномоченный Лениным// Тыл Вооружённых Сил. 1988. № 10. С. 16–19.
50. Подробнее см.: Варшавский С., Рест Б. Билет на всю вечность//Звезда (Ленинград). 1977. № 1. С. 158–163.
51. Зеленцов Ф. 1919 г. на ж. д. Оперативные переборки//Сборник трудов Военно-научного общества. Кн. 3. М. 1922. С. 205.
52. Там же. С. 202.
53. По утвердившимся в литературе данным, за 1918–1920 гг. было разрушено 21 250 вёрст железнодорожных путей, уничтожены или серьёзно повреждены 3672 моста общей длиной пролётов в

- 89 467 метров, в т.ч. 22 крупных моста через Каму у Перми и Сарапула, через Уфу у Шаши, через Белую у Уфы, через Волгу у Симбирска и Сызрани, через Днепр у Кичкаса, Екатеринослава, Кременчуга, у Киева (два моста), Черкасс, Речицы, через Южный Буг у Николаева, через Сейм у Конотопа, через Западную Двину у Полоцка, через Березину у Шацлок, через Припять у Мозыря, через Иртыш у Омска, через Бирюсу, Уду и Ию, 2904 стрелочных перевода//Сенин А. С. Указ. соч. С. 248–249, 252. Вышеуказанные масштабы разрушений, сведения о которых были опубликованы ещё в 1920-е гг., в настоящее время пересматриваются в сторону уменьшения этих показателей// Heywood A. J. War Destruction and Remedial Work in the Early Soviet Economy: Myth and Reality on the Railroads//The Russian Review. 2005. Vol. 64. № 3. July. P. 456–479.
54. Государственный архив Архангельской области. Ф. Р-2851. Оп. 10. Д. 18. Л. 319–319 об.
55. В Советской России тогда существовала государственная монополия на соль.
56. РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 41. Л. 239.
57. Там же. Л. 242–243.
58. См., напр.: Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М. 2008. С. 552.
59. Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 4-е. М. 2007.